

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

В. Д. Пихорович

*старший преподаватель кафедры философии
Национального технического университета Украины
«Киевский политехнический институт»*

Статтю присвячено дослідженню феномену інтелігенції як суспільного явища. Розкриваються закономірності виникнення радянської інтелігенції, її відмінності від дореволюційної російської інтелігенції. Досліджується історична роль радянської інтелігенції та її зв'язок із здійсненням революційних змін у всіх сферах суспільного буття.

Ключові слова: інтелігенція, революція та контрреволюція, освіта.

Название этого материала недвусмысленно отсылает читателя к известным статьям П.Струве и А.Блока, которые обе назывались «Интеллигенция и революция». Обе они сохранили в себе весьма острую критику интеллигенции, но критика это была разная – так сказать, критика справа и критика слева. Сегодня, интеллигенция, по причинам, которые будут изложены ниже, критике не подлежит, поэтому автор будет стараться сосредоточиться не столько на критике, сколько на выводах, которые из нее проистекают, и перспективах разрешения тех задач, которые ставила перед собой, но не смогла решить интеллигенция.

Особенность контрреволюции в СССР состоит в том, что она совершалась не классом буржуазии, а, так сказать, в порядке самообслуживания: советское общество "стройными рядами", во главе с руководством партии и государства двигалось от социализма к капитализму. Буржуазия была не движущей силой этой контрреволюции, а ее продуктом.

От внешнего фактора мы намеренно отвлекаемся, поскольку его роль в этом процессе была ничтожна. Конечно же, империалистические страны предпринимали огромные усилия для того, чтобы уничтожить социализм, тратили огромнейшие средства на подрыв нашего строя. Но эти усилия предпринимались всегда. Тем не менее, раньше они скорее укрепляли социализм, чем подрывали его.

Советская интеллигенция, как и советская контрреволюция, есть продукт сугубо внутренних. Внутренний не с точки зрения национальной, а с точки зрения классовой¹. Советская интеллигенция есть, и на самом деле, трудовая интеллигенция. От внешнего фактора, то есть от влияния на советскую интеллигенцию старой русской интеллигенции, и здесь нужно отвлечься точно так же, как от

внешнего фактора в разборе вопроса о причинах контрреволюции, потому что старая русская интеллигенция в подавляющей массе своей или не приняла Советскую власть, или сама была отвергнута Советской властью. Притом Советская власть вовсе не отвергала ее огульно, за то, что она – интеллигенция, как сейчас пытаются представить дело, ссылаясь при этом обычно на известные слова В. И. Ленина из письма М.Горькому. Ссылаются, будучи полностью уверенными, что представители интеллигенции по свойственной большинству из них душевной лени никогда не проверят и не узнают, что В. И. Ленин писал нечто ровно противоположное тому, что ему приписывают: «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а г....

"Интеллектуальным силам", желающим нести науку народу (а не прислужничать капиталу), мы платим жалованье выше среднего. Это факт. Мы их бережем. Десятки тысяч офицеров у нас служат Красной Армии и побеждают вопреки сотням изменников. Это факт».

Как видите, В. И. Ленин указывает, что представителей интеллигенции, «желающих нести науку народу», Советская власть не только не отвергает, но, наоборот, всячески бережет и, считаясь с ее буржуазными привычками, даже платит жалованье выше среднего. А вот в отношении «интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации», он высказывался резко. Но, согласитесь, что это уже личное дело каждого, к какой части интеллигенции себя причислять – к лакеям капитала, мнящим себя мозгом нации, или к тем, кто желает нести науку народу. В любом случае, русская интеллигенция была не активным участником революции, а пассивным, и в этом смысле советская интеллигенция была

¹ О диалектике внутреннего и внешнего в классовой борьбе при социализме подробнее смотрите в книге В. А. Босенко «Диалектика мстит за пренебрежение к ней». К. 2010. с 9.

не ее продолжением, а альтернативой ей, она была призвана заменить ее.

Если быть более точным, то влияние старой русской интеллигенции на советскую интеллигенцию было огромным, но оно, как бы это выразиться, не было определяющим и не было непосредственным. Советская интеллигенция формировалась под непосредственным влиянием революции, а вот русская революция, конечно же, во многом была и детищем русской интеллигенции, но не всей, и даже не большей ее части, а только лучшей ее части, демократической, революционной. Но в том-то вся и проблема, что демократизм и революционность на рафинированной интеллигентной почве приживаются ненадолго и если даже цветут буйно, то плодов или не дают, или дают весьма ядовитые. К чести русской интеллигенции, нужно заметить, что она, в подавляющем большинстве своем, не пошла за своими собственными вождями, которые, начиная с кадетов и заканчивая самыми левыми эсерами, как только революция, к которой они столько десятилетий подряд звали, наступила, и народ взялся сам решать свою судьбу, оказались в стане ее злейших врагов и быстро нашли язык со своими вчерашними преследователями. Что касается, так сказать, массы интеллигенции, то в большинстве своем она предпочла остаться с народом, даже если она и не разделяла чаяний народа и тех методов, которыми народ их реализовывал.

С. Г. Кара-Мурза в своей «Советской цивилизации» пишет: «Когда разгорелся конфликт "красного" и "белого" идеалов, то офицеры русской армии, принявшие в нем активное участие, разделились точно поровну. Половина пошла в Красную, а половина – в Белую армию. В Красной Армии стала служить и ровно половина генералов и офицеров Генерального штаба, цвет армии». К сожалению, он не приводит источников, откуда он берет это соотношение², но результат гражданской войны говорит о том, что это была, по крайней мере, не худшая половина русского офицерства. При этом, не имеет никакого значения, что большинство бывших царских офицеров попали в Красную Армию отнюдь не добровольно, а по мобилизации, а большинство гражданских «буржуазных специалистов» работали на Советскую власть за повышенный паек и жалование «выше среднего». Не выступали активно против революции, работали на нее,

² В любом случае, эти данные не беспочвенны. Евгений Дурнев в книге «Белые офицеры на службе революции», ссылаясь на работы А.Г. Кавтарадзе, пишет, что только «в 1918-августе 1920 г. было мобилизовано 48 тыс. бывших офицеров, еще около 8 тыс. пришли в Красную армию добровольно в 1918 году». Но и это не все. Ряды Красной Армии пополняли еще и те офицеры, которые первоначально попали в Белую армию. По данным того же источника «всего в рядах Красной Армии «не за страх, а за совесть служило 14390 бывших белых офицеров», из них до 1 января 1921 г.— 12 тыс. человек.

хоть и под жестким контролем и за деньги – и на том спасибо.

А.П.Чехов, горькие слова которого вынесены в эпиграф, очень хорошо знал, о чем писал. Нельзя требовать с интеллигенции большего, чем того, чтобы она служила более или менее добросовестно. Нельзя верить ее стенаниям «за народ» и нельзя верить ее благим намерениям, ибо они почти всегда ведут интеллигенцию не туда, куда она предполагает.

Разумеется, точно так же нельзя было верить и советской интеллигенции, когда она выступала против советского строя, когда она жаловалась на то, что ей недостает свободы, туалетной бумаги, импортных шмоток и тому подобных «демократических ценностей». Ведь парадокс состоял в том, что больше всего жаловались жители столиц, которые, как помните, снабжались по первой категории. А среди столичных самыми «несчастливыми» оказывались как раз самые привилегированные.

Увы, народу не хватило той чуткости, которой обладал А.П.Чехов, и народ поверил интеллигенции. Это было тем более неразумно, что интеллигенция сама себе не верила. Она просто не понимала, чего она хочет — «конституции или севрюжины с хреном». Интеллигенция захлебывалась злобой в адрес Советской власти, которая ее породила. Парадокс состоит в том, что к этому времени интеллигенция и Советская власть составляли уже фактически одно целое. Власть сверху донизу формировалась из среды интеллигенции. Наличие высшего образования с определенным временем стало необходимым условием занятия даже самых мелких должностей в системе власти – как в Советях, так и в партии. Ненавидя Советскую власть, советская интеллигенция фактически ненавидела саму себя. И было за что - находясь у власти, она не знала, что, собственно, нужно делать, куда вести народ.

Да и знать не могла в принципе. Ведь интеллигенция не является и не может являться самостоятельным субъектом исторического действия. Ее удел — служить. Определение статуса интеллигента в Советском Союзе как «служащего» было очень точным. Интеллигенция может только идеологически и организационно обслуживать интересы определенного класса. Если быть более точным, то она призвана обслуживать интересы буржуазии. Отдельная прослойка людей (независимо от их происхождения), занимающихся интеллектуальным трудом и живущих за счет этого труда, возникает только при капитализме и с уничтожением капитализма, то есть с уничтожением разделения труда, должна бы и исчезнуть.

Рабочий класс и крестьянство, когда они вдруг оказываются господствующими в обществе классами, тоже могут и часто вынуждены пользоваться услугами интеллигенции, но, увы, недолго. Это может происходить или в порядке «использования буржуазных специалистов» (так называл этот вид вовлечения интеллигенции в дело революции В.И. Ленин), то есть через подкуп этой самой интеллигенции, или по принуждению (чаще всего приходится комбинировать тот и другой методы) или, если процесс уничтожения разделения труда по каким то причинам затягивается и приходится воспроизводить интеллигенцию (а, в СССР, повторюсь, она не просто воспроизводилась, а фактически только здесь и появилась, поскольку в царской России, по причине ее отсталости, процесс становления интеллигенции только начался³) начинает действовать известная еще из времен Аристотеля диалектика господина и раба – господин становится рабом своего раба. А, как говорят на Западной Украине, «нема гірше, як з Івана пана», то есть нет хуже, чем господин с психологией раба. Не имея своей собственной исторической идеи, интеллигенция делает своей идеологией презрение и ненависть к классу, на службе которого она оказалась, ко всем историческим достижениям этого класса, включая и такое, как создание своей собственной интеллигенции. Интеллигенция в эпоху перестройки начала поднимать на щит какие угодно реакционные идеи – буржуазно-демократические, откровенно фашистские (восхваление «экономического гения» Пиночета и возведение в ранг национальных героев всех, кто прислуживал Гитлеру), феодально-патриархальные (канонизация царей, гетьманов, любого рода квасная шароварщина), иногда и вовсе варварски-первобытные (типа призывов вернуться к дохристианским религиозным культам или борьбы за легализацию различных форм промискуитета). Интеллигенции готова была оправдывать любую политическую силу, лишь бы та поскорее уничтожила не только все завоевания революции, но и само воспоминание о ней.

Контрреволюция отплатила интеллигенции за это тем, что фактически уничтожила ее саму. Интеллигенция разложилась, растворилась в рыночной среде. Частью, буквально, в меру того, как огромная масса «бывших интеллигентных людей» (в советские времена было такое слово «бич», которое иронически расшифровывалось как «бывший интеллигентный человек» и приблизительно соответст-

вовало современному «бомж») превратилась в «базарный пролетариат» или пополнила ряды гастарбайтеров, а нередко и просто бомжей, а частью — сохранила свой бывший общественный статус, но растеряла его бывшее содержание: вряд ли врач, берущий взятки, или учитель принимающий регулярные «подарки от родителей», может быть причислен к числу интеллигентных людей. По той причине, что интеллигенция фактически исчезла как общественное явление, и слово это потеряло смысл. Сегодня предпочитают, на западный манер, говорить об «интеллектуалах» или о «национальной элите». Но, замечьте, чем больше становится людей с высшим образованием, тем к меньшему количеству их можно даже с самыми большими натяжками отнести такого рода обозначения. И в самом деле, смешно называть даже интеллектуалом банковского клерка, какого-нибудь менеджера по продажам или чиновника. И уж тем более неприменимо к «офисному планктону» в целом слово интеллигенция.

Это слишком большая роскошь для современного капиталистического общества – интеллигенция. Разве нужен сегодня учитель, который умеет думать? От таких стараются избавляться немедленно. Думающий ведь не будет собирать подписи за кандидата от власти и послушно фальсифицировать результаты выборов в избирательных комиссиях. Не нужны думающие преподаватели в вузах, поскольку тогда могут начать думать студенты. А думающие студенты – это угроза для существующего строя.

Вообще, думать вредно, ибо думать - это значит заботиться о будущем, а будущего у сегодняшнего общества нет. Самое первое условие для того, чтобы будущее появилось у человечества – это уничтожение сегодняшнего общественного строя. Одновременно – это самое последнее, чего когда-либо желала интеллигенция. Реформировать, подкрасить, усовершенствовать (усовершенствовать и украсит гильотину, как писал В.А. Босенко) – это да. Но чтобы уничтожить, интеллигенция на это никогда не пойдет, ибо чувствует, что этот строй – это основа ее существования. И как только выясняется, что никакого иного выхода для человечества, кроме как уничтожение существующего общественного строя, рационально помыслить нельзя, интеллектуалы делают своим кредо отказ от рациональности, от мышления. Они прикладывают море интеллектуальных усилий для того, чтобы доказать бессилие интеллекта, обосновать отказ от мышления, развенчать все достижения мировой философии и науки в пользу религии, мистицизма, даже шаманизма. Любое безумие объявляется верхом мудрости, только бы

³ По данным, которые приводит ресурс «Белая Россия» <http://www.belrussia.ru/page-id-1087.html> «лиц с высшим образованием насчитывалось в 1913–1914 гг. 112–136 тыс. чел., число специалистов с высшим и средним специальным образованием в 1913 г. определяется в 190 тыс.», то есть, людей с высшим образованием было меньше 0,8%.

не рациональное мышление. Советовать на такое неинтеллигентное поведение интеллигенции бесполезно. Ибо, в конечном счете, она права. Не может существовать разумное мышление в неразумном мире.

Когда некоторые представители интеллигенции жалуются на то, что революция уничтожила интеллигенцию, в их словах гораздо больше истины, чем они сами могут себе представить. Эмпирически, конечно, все было ровно наоборот – только революция породила интеллигенцию (в царской России только 1,1 % населения имело высшее и среднее специальное образование [4]), но теоретически, то есть исторически, революция и в самом деле должна была уничтожить интеллигенцию, ликвидировать разделение труда на умственный и физический. И, пожалуй, это и было самое главное преступление революции перед интеллигенцией, что она так и не смогла выполнить этой задачи. И этим самым она обрекла на гибель как себя, так и интеллигенцию.

Но жалеть о гибели интеллигенции не стоит, ибо если мы немного перефразируем известное высказывание В. И. Ленина и благодаря этому поймем, что интеллигенция – не голова, а только «волосы» нации, то заодно нам придется вспомнить и то, что, снявши голову, по волосам не плачут. Ведь даже поражение нашей революции, которое тем более позорно, что потерпели мы его не в бою с врагом, а в результате внутреннего разложения, массового предательства со стороны собственного руководства, той же самой интеллигенции, – это огромный исторический шаг революции мировой. И тем нациям, которые поднимутся вслед за нами штурмовать «небеса» истории, без сомнения, должно повезти больше, ибо они будут вооружены в том числе и опытом наших ошибок. И это, пожалуй, единственное, чем может оправдаться интеллигенция перед историей за свое предательство – теоретически обобщить этот наш великий горький опыт и сделать его достоянием истории, оружием тех, кто ее будет творить. Это ее последнее слово перед судом истории, репортаж с петлей на шее (с петлей, которую она сама себе сплела и в которую сама сунула свою бестолковую голову) может послужить ей если не смягчающим обстоятельством (поскольку приговоры истории, как правило, окончательны и обжалованию не подлежат), то, по крайней мере, поводом для покаянного помилования будущими поколениями по причине истечения срока давности совершенной ею исторической ошибки.

Но, дело, разумеется, не в интеллигенции как таковой, ибо ее гибель – свершившийся факт и сегодня ее собственные проблемы мо-

гут представлять разве что чисто исторический интерес. Вопрос в том, что же должно быть вместо интеллигенции, кто будет выполнять те задачи, которые выполняла она или которые должна была выполнять. Ведь интеллигенция, согласно Большой советской энциклопедии, происходит от латинского *intelligentia, intellegentia* – понимание, познавательная сила, знание, от *intelligens, intellegens* – умный, понимающий, знающий, мыслящий [1]. Не может ведь общество обойтись без познания, понимания, знания, мышления.

Да, не может. Но, как выяснилось, интеллигенция в условиях капитализма отнюдь не спешит с выполнением взятой на себя миссии, точнее, спешит от нее отказаться. Вместо того, чтобы давать знания народу (как делали это лучшие ее представители, так называемые революционные демократы, которые заложили основу такого феномена как интеллигенция), она старается превратить их в выгодный товар и иметь выгоду из своей монополии на знания. Вместо того, чтобы формировать правильное мышление у народа, она сама отказывается от рационального мышления и помогает господствующему классу оболванивать народ любыми методами. Вместо того, чтобы познавать мир, она его мистифицирует и становится главным проводником всякого рода антинаучного мировоззрения. Увы, но советская интеллигенция так и не смогла преодолеть до конца эти пороки интеллигенции буржуазной и в массе своей, не задумываясь, продала право своего трудового «первородства» за одну только иллюзию того, что ей позволит прислуживать господствующему классу, возьмут в духовные «лакеи».

В результате, интеллигенция исчезла как общественное явление. Ясно, что далеко не все согласятся с этим утверждением и в качестве аргумента будут указывать на то, что существуют интеллигентные люди и даже попробуют начать их перечислять. Разумеется, что это на самом деле – не аргумент, поскольку, как известно, «одна дождинка – еще не дождь», а «одна снежинка – еще не снег». Но даже если согласиться с утверждением о гибели интеллигенции, нельзя игнорировать существования отдельных интеллигентов или, или хотя бы тех, кто искренне желает быть таковым. Что же делать им?

Ответ на этот вопрос как раз очень прост. Тем, кто не желает смириться с фактом гибели интеллигенции, самое первое нужно перестать мнить себя «мозгом нации», а вместо этого искать способы как «нести науку народу», как «крепить интеллектуальные силы рабочих и крестьян».

Что касается последней задачи, кто сегодня она назрела и даже перезрела. Сегодня вопрос уничтожения разделения труда на умственный и физический перестал быть вопросом теоретическим и стал вопросом чисто технологическим. Без его решения производство не только не сможет развиваться, но даже оставаться на сегодняшнем уровне не сможет.

Еще вчера о необходимости всеобщего высшего образования можно было прочитать разве что в работах самых смелых марксистских теоретиков [2, 141-142]. Руководство СССР даже думать не смело постановке такой задачи⁴. Сегодня же мы сталкиваемся с тем, что всеобщее высшее образование вводится, так сказать, явочным порядком. Например, по словам президента Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области, ректора Московского гуманитарного университета, профессора И. Ильинского по России «в 2009 году выпуск из 11-х классов составил около 899 тысяч человек (т. е. на 578 тысяч меньше, чем в 2002 году. Тем не менее, в вузы поступили 634,5 тыс. чел. (70,6%)» [3]. И это при том, что, надо полагать, в связи с кризисом, «в 2009 году приём в негосударственные вузы упал на 23 %, численность профессорско-преподавательского состава сократилась на 21 %, около 30 вузов прекратили своё существование» [3]. В Украине же 70 % порог поступления выпускников был преодолен еще в 2007 году.

Другой вопрос, что это «высшее образование» – как и все при капитализме – фальшивка. На самом деле, идет процесс деградации даже того высшего образования, которое было раньше. В связи с тенденциями так называемого Болонского процесса, мы столкнулись с явлением, которое В. А. Бугров очень удачно назвал «техникумизацией университетов» [5, 8].

Таким образом Болонский процесс в качестве цели ставит то, что на Украине уже давно произошло фактически, когда все техникумы и ПТУ переименовали в ВУЗы, только разных ступеней.

Разумеется, что такого рода махинации не в состоянии решить тех проблем, которые поставило перед обществом развитие науки и техники. Нужна радикальная смена самой основы образования. Нужно менять его цель. От узкоспециализированного образования, направленного удовлетворение потребности рынка в рабочей силе, нужно переходить к образованию, которое бы имело своей целью исключительно только развитие всех творческих способностей человека.

⁴ Нужно заметить, что на Кубе задача обеспечения всеобщего высшего образования была поставлена, но позже от этого плана отказались.

Именно всех способностей, а не отдельных, как это имеет место сегодня, и у всех людей, а не у отдельных, поскольку главный творческий потенциал человека, который сегодня не только не раскрыт, но, напротив, всячески «закрывается», состоит в его способности к коллективному труду. Энгельс писал, что «вырастив новое поколение всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд промышленного производства от начала до конца, от начала до конца, общество тем самым создаст новую производительную силу» [7, 308]. Этой новой производительной силой должна была стать сила сознательной, планомерно организованной человеческой

Пожалуй, именно это оказалось слабым местом советской интеллигенции – она так и не смогла найти те формы коллективности, которые позволили бы ей преодолеть свою «монополию на знания», которые позволили бы ей «нести науку народу». И не просто нести, а донести, чтобы народ усвоил привычку учиться самостоятельно, чтобы такая потребность в «переносчиках» превратилась в чисто педагогическую проблему и перестала быть проблемой социальной, проблемой разделения труда на умственный и физический.

Увы, советская интеллигенция исправить свою ошибку уже не сможет. Но приходить в отчаяние не стоит. Когда А. П. Чехов писал свой приговор русской интеллигенции (см. эпиграф), ситуация была не лучше, а хуже, но он, тем не менее, надеялся и верил:

«Я верю в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям – интеллигенты они или мужики – в них сила, хотя их мало... Но работа их видна; что бы там ни было, но наука все продвигается вперед и вперед, общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать беспокойный характер и т. д. и т. д. – и все это делается помимо прокуроров, инженеров, губернаторов, помимо интеллигенции в массе и не смотря ни на что...» [6, 99].

Конечно, не от отдельных личностей, и не так скоро, как хотелось Чехову, и не просто через «продвижение науки», но «спасение» действительно тогда пришло. Пришло «помимо прокуроров, инженеров, губернаторов, помимо интеллигенции в массе и не смотря ни на что».

Было бы неверно утверждать, что сегодня такое спасение уже невозможно. И те представители умственного труда, которые не «мнят себя мозгом нации», а «желают передавать знания народу», могут внести в него и

свой вклад. В особенности это касается работников образования, в частности, высшего. В. А. Босенко в своей замечательной книге «Воспитать воспитателя», в которой приведены, пожалуй, самые основательные, на сегодняшний день аргументы в пользу того, что ликвидация разделения труда не просто возможна, но необходима, и чем скорее, тем лучше, пишет следующее:

«Учебное, вернее, научно-учебно-производственное заведение должно быть своего рода уменьшенной моделью всеобщего производства и конкретных общественных отношений. Но моделью будущего в сегодняшнем дне. И это понятно, если не забывать,

что дело образования и есть дело будущего (образование будущего дела), образовываемое, делаемое, отрабатываемое и подготавливаемое сегодня. Образование – это своего рода момент (сколок) «идеального плана» истории деятельности обобществившегося человечества в ее продолжающемся развитии» [2, 154].

Сделать, чтобы «момент идеального плана» оказался достойным самой истории – это уже не мало. Гораздо лучше, чем когда история делается «помимо» и даже «вопреки» нашей с вами воле.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Большая советская энциклопедия* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article055456.html>
2. *Босенко В. А.* Воспитать воспитателя / В. А. Босенко. – К.: Логос, 2004. – 304 с.
3. *Ильинский И. М.* О ситуации и некоторых прогнозах в развитии негосударственного высшего профессионального образования в России в связи с «демографической ямой» (сообщение на собрании ректоров негосударственных вузов – членов СНВ Москвы и Московской области, МосГУ, 7 сентября 2010 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mosgu.ru/goryachaya_tema/
4. *Информационный ресурс «Белая Россия»* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belrussia.ru/page-id-1087.html>
5. *Круглый стол.* Болонский процесс особый взгляд // Пропаганда. – 2007. – № 2. – С. 8.
6. *Чехов А. П.* Письмо И. И. Орлову от 22 февраля 1899 г. / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Т. 8. Письма, 1899. – М.: Наука, 1980. – С. 99.
7. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. Соч. – Т. 20. – М.: Политиздат, 1961. – С. 308.

Стаття надійшла до редакції 12.05.2011 р.